

Издательство "Музыка" выпустило книгу "Так это было. Тихон Хренников о времени и о себе". Она еще не поступила в продажу, а споры о ней в музыкальном мире уже идут. Рассказчик — первый и последний председатель Союза композиторов СССР (с 1948-го по 1992 год). Его защитники упорно напоминают, что в годы репрессий, когда все творческие союзы в буквальном смысле редели, ни один композитор физически не пострадал, и каким-то чудом эту беду от них отводил именно Хренников. Другие увидели в книге желание автора обелить себя и свое время.

Как бы там ни было — предлагаем из нее несколько фрагментов (подзаголовки даны редакцией). Тем более что тираж-то мизерный. А справки об издании можно получить по телефону 928-94-40.

Моя симфония стала сенсацией

В 1934 году я начал писать симфонию. Именно тогда появились у нас различные сочинения, связанные с индустриальной и колхозной тематикой.

Делалось это совершенно искренне. Наши композиторы добросовестно искали образы, выразительные средства, которые могли бы отразить современный быт, стремление построить социалистическое общество, и называли свои сочинения: "СССР — ударная бригада" (А. Крейн), "Сталинград" (А. Веприк), "Сталинградский тракторный" (Н. Ченберджи), "Днепрогосстрой" (В. Гайгерова).

Моя симфония не имела ни программного замысла, ни подзаголовка, ни какого-то особого современного содержания. Я просто сочинил симфонию. К 1935 году симфония была закончена, я был тогда студентом четвертого курса консерватории. В это время оркестром радио в Москве дирижировал Георг Себастьян, спасавшийся у нас от преследования фашистов в Германии. Ему я и показал симфонию. В Большом зале Московской консерватории Себастьян сыграл ее в своем открытом концерте. На следующий день все газеты напечатали отклики об этом концерте (тогда отклики были быстрее). Моя симфония, учитывая, что я еще студент консерватории, стала сенсацией.

В ту пору я был влюблен

В этот же сезон происходили и другие события. После того как осенью 1935 года была исполнена моя симфония, а в прессе меня уже называли "московским Шостаковичем", ко мне однажды зашел Юрий Александрович Шапорин. Он передал просьбу зайти в Театр Вахтангова. Я отправился. Не помню, кто со мной разговаривал — Рубен Николаевич Симонов или Иосиф Матвеевич Раппопорт, который ставил комедию Шекспира "Много шума из ничего". Выяснилось, что музыку к этому спектаклю должен был писать Шапорин, но по каким-то причинам отказывается и рекомендует меня. Предложение увлекло меня. Тексты песен — а они в драматургическом плане были предсметренны — должен был писать П. Анатольевич.

Через некоторое время я стал по номерам показывать готовые фрагменты. Музыку принимали одобрительно. Помню, сочинил песню "Как соловей о розе". В ту пору я был влюблен в свою будущую супругу Клару.

В доме Театра Вахтангова я тогда снимал комнату в двухкомнатной квартире актрисы К. Яковлевны. Моя комната находилась как раз над квартирой Р. Симонова. В тот момент Клара пришла ко мне, и я, обрадованный, показал ей только что написанную песню "Как соловей о розе". Однако ей песня не понравилась, она сказала, что слова П. Анатольевича значительно ярче, чем мелодия. Тут же она пошутила — хорош влюбленный, который не может сочинить любовную серенаду. Я на это ей ничего не сказал, но, когда она пришла на другой день, я показал ей на эти слова новую песню.

Так появилась серенада "Как соловей о розе", одна из моих любимых мелодий.

По доносам сводили счета

В 1937 году были арестованы два моих брата, Николай и Борис. Николай был директором средней школы в городе Ельце, а Борис — начальником небольшой станции Лучок близ главной железнодоро-

рожной станции Елец. Оба были женаты, у обоих — дети. Их обвиняли в контрреволюционной агитации. Это та печально знаменитая статья 58.10, по которой, собственно, сидело большинство в стране.

Братья мои были честными людьми, самоотверженными в работе, твердо верили советской власти. Даже заподозрить их в контрреволюционной агитации было невозможно. Все-таки я докопался до истины: мне дали понять, что на них написан и инспирирован целый ряд доносов со стороны людей, которые с ними работали. Такая практика была тогда очень распространена, по доносам сводили счета и разделялись с товарищами по работе, соседями, родственниками... В этих делах особенно даже не разбирались. Я стал повсюду писать письма и прошения. Требовал, чтобы это дело передали в открытый суд. Не знаю, что случилось. Возможно, сыграло некоторую роль то обстоятельство, что обо мне в ту пору писали газеты. Короче, пришло согласие на то, чтобы дело моего старшего брата Николая передать в открытый суд и там судить его.

Чтобы на суде была поддержана сторона обвиняемого, необходим, как известно, адвокат. И я решил пригласить самого знаменитого. Им был Браудо (Коммодов и Браудо были в ту пору наиболее известные адвокаты, участвовавшие в политических процессах). Отправился к нему просить, чтобы он выступил защитником на процессе моего брата. Браудо запросил с меня огромную сумму денег. Их у меня не было. Бросился к знакомым просить взаймы. Выручили. Браудо согласился выступать на процессе.

Сначала моих братьев из Ельцы перевели в Орловскую тюрьму — в областной центр. Мы с Браудо поехали в Орел. Меня в тюрьму не пустили. Браудо с ними встречался; после чего сказал, что истязали их там ужасно. В конце концов в Ельце был назначен суд над старшим братом Николаем. Браудо поехал в Елец. Приезд этого знаменитейшего адвоката, его участие в суде напугало тех, кто писал доносы на моего брата. В итоге они все отказались от своих доносов. Николая оправдали и прямо с суда отпустили домой. Это был для того времени случай редчайший, может быть, единственный.

Когда же я стал требовать, чтобы дело Бориса также вынесли в открытый суд, добиться этого уже не удалось. На этот раз моего брата судила "тройка" и дала ему позже десять лет концлагеря. Там он и погиб.

"Песня об артиллеристах" в берлинской пивной

Мне и М. Блантеру где-то в феврале 1945 года Политуправление предложило поехать на фронт. Нас направили на Первый Белорусский, в армию В. Чуйкова.

На следующее утро мы участвовали в акции, которой трудно найти точное определение. Формировались группы для уличных боев в Берлине. В каком-то огромном зале собрались военные. Из них и должны были составляться группы для первых уличных боев. То есть практически в зале сидели люди, которые шли на верную смерть.

Сначала к ним с речью обратился Вишневецкий. Я много раз слышал о том, что Всеволод Вишневецкий был совершенно потрясающим оратором. Тут я убедился в этом сам. Вишневецкий начал свою речь пианиссимо, а закончил страстным фортиссимо. Солдаты плакали, они были доведены до истощения. И когда после этого раздался вопрос, кто готов идти добровольно, встали все как один. Мы на-

Возв. клуб. - 1994. - 17 сент. - с. 4.

В нашем Союзе никогда никого не арестовывали

Так утверждает сегодня Тихон Хренников

ходились в артиллерийском полку, и меня раз десять заставляли петь "Песню об артиллеристах". Фильм "В шесть часов вечера после войны" был уже известен. Я продолжал петь, охрип, но мне все не давали прекратить пение этой песни.

Далее наш путь продолжался опять в машине. Крепко перед тем охмелевшие Вишневецкий и водитель машины направились прямо в кварталы Берлина. Я, единственный среди них трезвый, пытался уговорить: — Куда вы едете, мы сейчас попадем к немцам! — Мы русские люди, ничего не боимся. Давай! — командовал Вишневецкий.

Машина остановилась на углу у пивной. Улица была пустынной, и мы, выйдя из машины, вошли в пивную. Зал тоже был пуст, посетителей не было, и только хозяйка с хозяйкой поднаехали нам навстречу. Увидев русских, они окаменели.

— Где немецкое население? — повелительно спросил Вишневецкий. — Почему не встречает русские войска?

Хмель все больше кружил ему голову, он в таких случаях терял всякую рассудительность.

— Там, в подвале сидят, — отвечал перепуганный владелица пивной.

— Веди нас туда! — повелел Вишневецкий.

Спускаемся по лестнице, открываем дверь. Мрак, огромное количество народу. Увидев нас, матери инстинктивно прижали к себе детей.

Оглядевшись, Вишневецкий, который в совершенстве знал немецкий язык, обращается к собравшимся с возмущенным вопросом, отчего они не встречают своих освободителей. Гляжу, заворачивается что-то вроде митинга. К чему это приведет? Их-то здесь больше сотни, а нас только трое. Однако добавившие перед выходом из пивной еще и пива, мои спутники продолжали ораторствовать. Пришлось Вишневецкого взять за рукава и буквально насильно вытаскивать наверх.

Возвращаясь обратно на угол к пивной. Через некоторое время появляются наши военные — солдаты, офицеры. Вишневецкий потребовал принести пианино. Хренников должен сыграть.

Из соседних комнат перетаскивали пианино. Усадили меня за него и опять: "Артиллеристы! Сталин дал приказ..."

Вальсыки Жданова

После войны я начал работать над русской комической оперой, сюжет которой мне предложил Владимир Иванович Немирович-Данченко. Работа все больше увлекала меня. Но здесь для меня неожиданно одно за другим произошло несколько событий. В Большом театре поставили оперу Мурадели "Великая дружба". Я присутствовал на премьере оперы. Она была слабая, драматургически неинтересная. Никакого там, конечно, формализма не было: опера, а бы сказал, была просто примитивна. И вдруг...

Я тогда работал в Доме творчества в Рузе. В один прекрасный день всех, кто, как и я, находился в Рузе, повезли на совещание в Центральный Комитет партии. Это была прелесть к постановлению 1948 года о музыке — совещание деятелей советской музыки, на котором выступал Жданов.

На совещании присутствовали все крупнейшие композиторы — и Прокофьев, и Шостакович, и Масковский, и другие. Первым выступал Жданов.

В деятельности Жданова, конечно, много было негативного, особенно в том, что касается его выступления по поводу А. Ахматовой и М. Зощенко. Жданов был человек своего времени, проводил сталинскую политику. По-видимому, был человеком очень жестким.

Но справедливости ради надо сказать, что он был талантлив. И доклад сделал очень темпераментный.

Когда Жданов кончил доклад, ему аплодировали все, кто сидел в зале; и Шостакович, и Прокофьев (я сидел позади Прокофьева), и другие. Аплодисменты были долгие, очень долгие и единодушные.

По поводу доклада потом ходило немало слухов. Как-то в руки мне попались мемуары одного из наших известных писателей. Перелистал книгу и вдруг попал на то место, где автор пишет, что, по рассказам, на совещании музыкальных деятелей Жданов садился за рояль и показывал Прокофьеву и Шостаковичу, как им надо сочинять музыку, и т.д. Признаться, мне стало стыдно, когда я прочитал эту сказку. В ЦК никогда не было instrumen-

ты в этом комитете. Председателем назначить Асафьева, генеральным секретарем Хренникова. Дальше: назначить Хренникова председателем музыкальной секции Сталинского комитета, назначить председателем Музыкальной секции ВОКС. Я был подавлен. Кто я? Никто.

И вдруг меня назначают в Союз композиторов и в Сталинский комитет, отдают в мои руки международную работу...

Приезжаю, рассказываю Кларе. Она в ужасе: — Ты что! Зачем!

— А что я могу сделать? Подписано Сталиным. Тут и отказаться нельзя, и ничего сделать невозможно.

Анонимками довели до галлюцинаций

Одной из первых прошла кампания против космополитизма. В этот момент мои коллеги, которые ругали оперу "В бурю" (например, С. Шлифштейн), ужасно волновались, что я в эту политическую кампанию буду раздвигаться с целью. Я же старался, напротив, не называть таких имен. И даже когда в качестве примера борьбы с космополитизмом в Союзе композиторов и назывались отдельные фамилии, среди них меньше всего встречались еврейские фамилии.

Но таким ходом космополитической кампании в Союзе композиторов оста-

Общими усилиями Клары, которая регулярно ставила мне пластинки с духовными песнопениями (чтобы успокаивались нервы), и врачей-невропатологов я в течение целого года выходил из этого состояния, в какое попал в итоге космополитической кампании. И кульминацией у меня был 1950 год. В 1951 году я уже начал понемножку работать.

В это время среди моих коллег стали появляться первые лауреаты Сталинской премии. Работая в Сталинском комитете, я часто встречался с Александром Александровичем Фадеевым.

Это была блестящая фигура, выдающийся человек и замечательный писатель. Сейчас отношение к нему неоднозначное, однако его яркие качества нельзя не отметить. Не зря ему стоит памятник на Муссах. Я не говорю о его общественных деяниях. Время было суровое, Фадеев бывал жесток и много наделал такого, что не вызывает симпатий к нему.

Кстати сказать, мы многого не знали из того, что происходило в те времена в Союзе писателей. А происходила, как мы сейчас знаем, аресты писателей.

Наш Союз был едва ли не единственным, где подобных арестов не происходило.

Никто не мог заставить Шостаковича делать то, что он не хотел

В 1959 году после приезда американских композиторов был наш ответный визит в Америку. Туда поехали Шостакович, Кабалевский, Дзянчевич, Амиров, Ярустовский и я.

Мы приехали в Лос-Анджелес. Тут нас попросили провести пресс-конференцию. Корреспондентов набралось невероятное количество.

После этого прозвучали язвительные высказывания в адрес Шостаковича о том, что он, как и все советские композиторы, пишет по указке партии. И вот тут Шостакович сказал совершенно потрясающие слова, которые были потом напечатаны во всех американских газетах.

— Я считаю коммунистическую партию Советского Союза самой прогрессивной силой мира. Я всегда прислушивался к ее советам и буду прислушиваться впредь.

После этих слов интерес корреспондентов угас, конфликта не получилось, конференция вскоре завершилась.

И сейчас я думаю о том, что вряд ли кто из них смог до конца понять и Шостаковича, и всех нас. Но в последнее время вокруг Шостаковича много сложилось такого, что вызывает необходимость поговорить о нем самом. Шостакович был яркой человеческой индивидуальностью, впечатлительной, чуткой. О том, что это была фигура трагическая, свидетельствует его музыка.

Но не об этом сейчас речь. Шостакович как художник выстоял во всех испытаниях. И время от времени появляется соблазн видеть интуитивные движения приспособления к жизни в том, что композитор удерживался на официальном уровне и в ряде случаев выступал с его поддержкой. Как трагический эпизод жизни Шостаковича подается и его вступление в коммунистическую партию, к которому якобы его принудили. Так вот, мне хочется сказать: как в этом случае, так и в других, никто и никогда не мог заставить делать Шостаковича то, что он не хотел делать.

"Ну ладно, давайте дадим ему премию"

Мне как члену и как председателю музыкальной секции Сталинского комитета вместе с другими его руководителями (А. Фадеевым, К. Симоновым) приходилось бывать на заседаниях Политбюро, когда решались вопросы присуждения Сталинских премий.

Сталин всегда присутствовал при этом, и меня каждый раз удивляло его знание того материала, который обсуждался на этих заседаниях. Это касалось не только музыки. На меня произвел очень большое впечатление один эпизод.

Однажды академик Греков, в то время глава нашей исторической школы, докладывал о работах, которые предлагались для присуждения Сталинских премий по историческому разделу. Греков сообщил по очереди о каждой из представленных работ, после чего Сталин задавал вопрос по поводу одной из них.

— Скажите, товарищ Греков, а вы читали эту работу?

И я вижу, как этот седовласый академик покрывается каплями пота, который через какое-то время начинает струйками стекать с его лица:

— Товарищ Сталин, я, к сожалению, не читал этой книги.

— А я, к сожалению, прочитал книгу.

И вместо хвалебных слов, которые только что произносил академик Греков в отношении этой книги, раздалась резкая критика. Сталин стал по частям и раздал разбираться представленный на премию труд, указывая на неточности, ошибки, несоответствия и расхождения в выводах книги. Анализ был обстоятельный.

Дальше. В начале 50-х годов был чрезвычайно популярным замечательный балладежник Павел Нечепоренко. Он всех покорила своим мастерством, блеском игры, талантом. Я предложил его выдвинуть на получение премии.

И вот когда на Политбюро я докладывал об этом, после меня взял слово Беспалов. Он был тогда председателем Комитета по делам искусства и, возможно, хотел польстить Сталину. Речь Беспалова свелась к тому, что исполнителю на таком непрофессиональном инструменте нельзя давать Сталинскую премию, чтобы не обесценивать значение этой великой премии. Присутствующие тут же согласились головой, тем более что Сталин произнес что-то в таком роде:

— Может быть, пожалуй.

Видно, что вся моя конструкция рушится. Тогда я беру слово и говорю следующее:

— Мне странно слушать высказывания товарища Беспалова, который изображает дело таким образом, будто бы и ныне балалайка — тот самый не совершенный самодельный инструмент, на котором раньше играли в деревнях. Проблема профессионализации этого инструмента решена еще в конце XIX века, когда в России были изумительные балалаечники Трояновский, Андреев, вышивавшие своим искусством восхищение Льва Толстого. Он был потрясен их мастерством, виртуозностью. В наше время курс обучения в программы консерваторий. Нечепоренко закончил Ленинградскую консерваторию. Это Ойстрах на балалайке, и, кстати сказать, играет на балалайке всю скрипичную литературу. Сейчас говорить о балалайке как о каком-то отсталом народном инструменте невозможно, это недомыслил товарищ Беспалов...

После такой моей горячей речи Сталин произнес: — Ну ладно. Давайте дадим ему премию.

Из аппарата ЦК постоянно шли указания

С первого дня моей работы в Союзе композиторов мы находились под неусыпным оком аппарата ЦК КПСС. Я уже писал о том, что доклад, который я читал на Первом съезде композиторов, создавался в отделе культуры ЦК.

Все последующие годы все мои выступления на съездах, на различных общественных акциях, редакционных и правительственных ответственных работниках ЦК. Из аппарата ЦК постоянно шли указания о том, как строить внутреннюю жизнь Союза композиторов, какова должна быть наша реакция на различные общественные события в стране.

Перед нашим съездом в 1970 году я предполагал вести А. Шнитке в будущий секретариат. Мне сказали, что достаточно вести его в правление. И я ничего не мог сделать.

Мой доклад на съезде 1986 года, когда уже прозвучало слово "перестройка", как и раньше, редактировался и правился в Центральном Комитете партии.

Снимки предоставлены газетой "Музыкальное обозрение".